

Глава 1

СОВСЕМ РЯДОМ

Когда-то здесь жили почти с комфортом. По крайней мере, старались, чтобы квартира выглядела достойно. Даже сейчас, сквозь пелену пыли, было видно: линолеум подобран в тон обоям, и шторы того же оттенка, и люстра пытается гармонировать... Такую квартиру, если хорошенько отмыть, можно сдавать с пометкой: «Ремонт советский, но уютно».

Впрочем, про уют тут забыли уже давно. Коридор заставлен зимней обувью — когда за окном плюс тридцать, соляные разводы на сапогах и ботинках смотрятся гротескно. А рядом — пустые бутылки, коробки и коробочки, смятые пластиковые стаканы и сигаретные пачки, комки бумажек, окурки и иной мелкий мусор — вповалку, без всяких интеллигентных пакетов. Плюс прямо с порога гостей встречает запах — характерный, терпкий: немытого тела, перегара, разлитого дешевой портвейна... Может, это и не притон, но то, что пьют здесь без просыпа, с порога становится ясно.

Хотя Васёк всегда летел сюда словно на крыльях. Потому что встречали в квартире радушно. Хозяйка, интеллигентка Ленка, жалостливо гладила его по худым ключицам и восклицала: «Цыпленок! Настоящий цыпленок!» А потом традиционно рассказывала историю, как в далеком детстве купила себе такого в зоомагазине. На сэкономленные от школьных завтраков де-

сять копеек. Очень птенца любила, укладывала с собой в постель, а потом решила угостить его колбаской, после чего цыпленок сдох.

Ваське не нравились сравнения с доходяжным куренком, но ради *грядущего* он всегда терпел. Потому что ждало его из раза в раз приятное: дядя Степан, Ленкин вроде как муж, без всяких разговоров наливал пришедшему стакан. И пусть с закусью было плоховато, но выпивка, по волшебному шучьему велению, всегда находилась.

А сегодня Васька был готов зуб дать: его и вовсе примут, как короля. Потому что не с пустыми руками, как часто бывало, перся, а с полным, что называется, термоском. Как раз очередную пенсию дали, да еще и с прибавкой, вот он первым делом и поскакал в магазин. Святое ж дело — с хорошими людьми финансовое поступление от доброго государства отметить. Затарился по полной программе. В пакете с изображением полуголой зубастой бабы и ноль семь водяры плескалось, и тархунчик — запить, и даже пирожных, специально для Ленки, он на лотке взял — пусть хозяйка порадует-ся и очередную, из своих вечных, байку расскажет. Как ей важный хрен, то ли Рихтер, то ли еще какой-то Мацуев, однажды самолично вручил коробку роскошных конфет и даже приложился к ручке.

...Звонить, упреждать о визите Васек, ясное дело, не пытался. Не принято в их кругах. Звонок на входной двери безмолвствовал, чье хулиганство — неизвестно, но давно уже торчат одни проводки.

Потому Васька «без церемониев» замолотил в дверь кулаком. Стучал от души, с жаром — и расплывался в улыбке, предвкушая, как сейчас явится на пороге Степан. Как спросит строго: «Фули ты барабанишь?» А Васька вместо ответа тряхнет пакетом, водяра с тархунчиком откликнется мелодичным звоном, и лицо

хозяина тут же расплывется в понимающей и счастливой улыбке.

Однако сколько ни стучал, а не открывали. Только бабуленция из квартиры по соседству нос сквозь щель просунула, недовольную рожу состроила. Васек ей в ответ тоже немалую физиономию скорчил — во весь щербатый рот. Видно, впечатляюще получилось: старуха вякать не стала, тут же спряталась, мымра. А он тем временем взялся дверную ручку дергать. Вспомнил, что она у Степана с Ленкой тоже древняя, несмазанная, только коснись — визжит циркулярной пилой. Может, хотя бы это услышат?

А дверь вдруг возьми и отворись: видно, и замку, того столетнему, наконец-то писец пришел.

Васька сунул нос в темный коридор, весело выкрикнул:

— Эй, вы! Ленок! Степаха! Дрыхнете, что ли?

Время вроде неподходящее, чтобы дрыхнуть, два часа дня всего, но не зря ж Ленка говорит, что она — человек творческий. Творческие — они и до шести вечера могут спать. А Степка, наверное, на шабашку пошел — он единственный кормилец, не Ленке ж своей расстроенной фортепьяной на водяру с пропитанием зарабатывать.

...Но если хозяева и дрыхли — то совсем уж без задних ног.

Потому что Васька в темнующем коридоре вешалку вместе со всем содержимым обрушил. Грохот получился страшный, а из комнат так и не раздалось родного, беззлобного матерка. Куда-то на пару слиняли, наверное. Вот и носи им после этого водку, да еще и на пирожные разоряйся!

Васька из чистого упрямства все же зашел в квартиру. В гостиной — Ленка с пафосом именовала ее «залом» — обычный кавардак. У окна россыпь осколков, бурая лужа, и портвейном тянет. Вдвойне бардак: и бу-

тылку не уберегли, и пол после катастрофы не протерли. В уголку сплошным комком матрас, подушка и одеяло без всякого белья, — видно, кто-то в гости навещался. Одна пианина посреди комнаты блестит чистотой. Это, Васька знал, Ленкин бзик. Хотя и не играла она толком уже давно, пальцы не слушались, а сколько ни выпьет — все равно в каждом вечеру протирала его тряпочкой. Говорила, что искусство грязи не прощает. Забавная она, эта Ленка. Может, все же дома? Нахрапывает? Счастливые сны смотрит про свои рояли?

И Васька, не выпуская из рук драгоценный пакет с полуголой бабой, двинулся в спальню. Тут у Ленки со Степаном тоже творчески: кровати нет, зато матрас почти во все двенадцать метров. И зеркало под потолком, пусть и мутное. Настоящий будуар. Правда, лежать жестко, и собственная же рожа на тебя постоянно пялится, зато места много — хоть поперек спи. Васька однажды тут дрых, пожалели его, когда слишком уж перебрал.

...Чутье его не подвело: Ленка действительно оказалась здесь. Раскинулась посреди кровати на животе, голову под подушку спрятала, а голые пятки, наоборот, из-под одеяла сверкают. И ногти на ногах, отметил внимательный Васька, покрашены. Алым. Молодец Ленка, хоть рожа и пропитая, а старается выглядеть на уровне.

Что ж, ее ожидает приятное пробуждение.

Водку Васек из самого дальнего угла холодильника вытащил — чтоб с гарантией, ледяная. И хотя на дворе жарыща, а согреться бутылка еще не успела, вся холодными капельками исходит. Ее-то Васек из пакета и извлек. И, хулиганя, приложил к Ленкиной обнаженной ноге. Вот сейчас будет визгу!

Однако в ответ не раздалось ни звука. Васька прижал бутылку покрепче да еще, для пушего эффекта,

Ленкину конечность пощекотал — и только тут осознал: нога, несмотря на жару, совсем не горячая. И очень твердая. И веет от хозяйки чем-то неприятным, опасным. Как от панночки, той, что помэрла, — про нее ему в раннем детстве рассказывала мамка.

Васька неожиданно почувствовал, что замерзает.

Он одним движением перевернул Ленку на спину. Подушка, прикрывавшая ее голову, отлетела, и в лицо гостю уставились два невидящих, остекленевших глаза. Обведенный синевой рот, кончик языка неприятно выглядывает наружу. А еще — нехорошие, темноватые кругляши, проступившие вдоль крыльев носа, Васька знал, что они называются «трупные пятна».

Бутылка с водярой жалобно звякнула о пол. Ленка продолжала пялиться на него мертвыми глазами. Васька инстинктивно отпрыгнул от покойницы, вжался спиной в стену спальни и оглушительно заорал.

Надя

Они еще не женаты, но даже в их гражданской семье — куча проблем. И главная: Дима с ней скучает.

Потому что слишком они не похожи, слишком в разных плоскостях мыслят. Для нее идеал — мягкий диван, тихий лепет телевизора, интригующий аромат очередного кулинарного шедевра. А Димке подавай приключения. Скорость, риск, адреналин, мурашки по коже...

Надя и сама, конечно, любит изредка подрожать на каком-нибудь фильме ужасов или даже схватиться, когда ходят в боулинг, за самый тяжелый шар. И метнуть его — в тщетной надежде, что хотя бы так удастся выбить заветный страйк.

Только где на каждый день взять приключений? У них ведь с Димой не кино про агентов Скалли и

Малдера, а обычная семья. Да и Полуянову давно пора остепениться. Не мальчик уже, за тридцать, волосы редеют, а все рвется то на ралли, то на мотоцикл. Но разве есть более жалкое зрелище, чем, скажем, лысый, весь в морщинах байкер?..

Однако Дима, кажется, готов вести неразумную, шалую жизнь до самой пенсии. Совсем не ценит тихого домашнего счастья... Хотя Надя старается изо всех сил. Каждый вечер перед сном просматривает кулинарные книги, чтобы завтра порадовать любимого очередным изыском. И домой всегда спешит пораньше — пусть к Диминому приходу квартира сияет свежестью.

Она же видит: *ему*, ее Димочке, уютная домашняя жизнь тоже явно нравится, просто он признаться в этом не хочет, не тот, видите ли, у него *имидж*. А когда забывает, что весь из себя крутой, — и на диване с удовольствием валяется, и каналы непрерывно переключает, и Надины борщи вкупе с прочими разносолами с удовольствием наворачивает. Но время от времени все равно срывается с цепи. То часами глазеет в телеканал «Discovery» на всякую охоту за тиграми или рыбную ловлю в дальних северных морях, и видно: явно завидует продубленным ветрами и солнцем ковбоям и морякам. А то и вовсе ласково скажет Наде:

— Ты, солнышко, устала. Целый день крутишься. Хочешь, я тебе ванну наполню? Отдохни, поваляйся...

Спасибо, конечно, за заботу, только Надя один раз подглядела: покуда она покорно отмокает в пенной ванне, сердечный друг косит глазом на тощих голых красоток по кабельному телеканалу.

Вот ненасытный! Будто мало она, начитавшись женских журналов, встречала его обнаженной, в одном кружевном фартучке. А танец живота в ее исполнении — прелюдия любовной игры, на которой частенько настаивает Дима? А любовь глухой ночью на крыше их шестнадцатиэтажного дома — Надя тогда едва от

холода не околела и чуть со страху не умерла, но что поделаешь, если другу захотелось экстрима?..

Да вообще — черти бы взяли тот экстрим! На третьей «Мазде», своем последнем приобретении, Димка гоняет так, что уже два раза тормозные колодки менял, хотя в сервисной книжке написано, что они аж до семидесяти тысяч дотягивают. А прыжки с парашютом? А наглое, без всякой подготовки участие в соревнованиях по аквабайку — Димку понесло на них прошлой осенью?.. Состязание, правда, непрофессиональное, съехались на него сплошь понтовые новые русские, но Дима-то, в отличие от них, водного мотоцикла прежде и в глаза не видел! Однако абсолютно бесстрашно прыгнул за руль и взревел мотором так, что дикие утки со своих гнезд посрывались. И обиделся, что Надя ему компанию не составила.

Прикажете ей тоже ледяной осенью на бешеном аквабайке кататься, за Диминой спиной? Или рисковать жизнью на переднем сиденье «Мазды»? Русские женщины — они, конечно, своей жертвенностью на весь мир славятся, но Надя в безумствах Полуянова не участвует. Из принципа. В «Мазде», когда за рулем Дима, только на заднем сиденье сидит. И с парашютом не стала прыгать даже в тандеме с инструктором. Полное сумасшествие: отстегивать две сотни долларов только за то, чтобы тебя привязали к незнакомому мужику и выбросили вместе с ним из самолета с огромной высоты.

Приходится, конечно, гордиться, что ее Дима такой бесстрашный. И хвалить его — такие уж правила игры. А когда тот на своем аквабайке к финишу первым прирулил — Надя и вовсе прослезилась. Однако постоять в рядах зрителей, покричать: «Дима, давай-давай!» — это ее потолок. Но когда сердечный друг в ее законный отпуск зовет Надю куда-то на Алтай, по горным рекам на плотах сплавляться, — это уж увольте.

Почему *она* должна тратить собственные деньги и время на совершенно ей неинтересные сплавы? Почему бы на компромисс не пойти *ему*, Диме? И не оценить наконец уют тихих семейных вечеров, тонкий аромат карпа, тушенного в семи пряных травах, и бездумный, ленивый отдых на теплом пляже?

...Но ждать, что сердечный друг возьмется за ум, — это настоящая русская рулетка. Полуянов — он непредсказуемый. То ли правда рано или поздно он одомашнится, то ли взбрыкнет и уйдет от нее к какой-нибудь тощей красотке, вокруг него их миллионы вьются.

Вот и живешь будто на пороховой бочке. Тушишь в травах очередную рыбу, а сама боишься, что пройдет вечер, наступит ночь и Дима не вернется. И ты останешься одна. Со своими несбывшимися надеждами и бесполезно остывающим карпом...

Дима

Дима Полуянов домой возвращаться не спешил. Зачем? Во-первых, все равно пробки. А во-вторых, из-за Надьки. Она, конечно, милая и готовит шикарно, но не терпеть же ее квохтанье весь вечер, с семи до полуночи, когда в родной редакции всегда дел немерено...

Сейчас он с комфортом — кондиционер на максимуме, ноги на столе — восседал в псевдокожаном кресле своего кабинета. Рядом, на гостевом стульчике, изящно скрестила стройные ножки Кирочка — молодая, перспективная, с огромными пухлыми губами журналистка-коллега.

Оба работали. Девушка перебирала стопку ярких бумажек и одну за одной перекидывала их Полуянову. Им выпало приятное задание — *шерстить турфирмы*.

«Шерстить турфирмы» в «Молодежных вестях» было бонусом, подарком за безупречную службу. Давали

его, правда, только раз в год и лишь самым ценным сотрудником. В переводе на обычный язык сутью премии было выбрать из множества предложений — а в газеты их присылали десятками — самый интересный заграничный тур. Съездить в него, разумеется, на полную халяву, еще и командировочные дадут. А после — написать для «Молвестей» лихой репортаж.

Всегда бы, а не только раз в году, иметь такую работу! Газета у них известная, тираж пятничного выпуска под три миллиона — турфирмы всячески изгаляются, чтобы «Молодежные вести» о них написали. Отели ниже пяти звезд никто даже предлагать не осмеливается, а многие и на перелет бизнес-классом расщедриваются.

— Вот, по-моему, самое классное, — Кирочка зашелестела очередной пестрой бумажкой. — Арабские Эмираты, пять звездочек с плюсом, вид на океан, все включено, и три бесплатные СПА-процедуры каждый день. Шоколадное обертывание, м-м-м...

— Эмираты? В июне?! — фыркнул Дима. — Что ж, попробуй. Посмотрю я на тебя, когда плюс сорок два в тени. Всю поездку в номере под кондиционером просидишь. Никакого шоколада не захочется. — И посоветовал: — Езжай лучше на Хайнань. СПА там не хуже, а климат приятней.

— Хайнань? Но там же одни китайцы! — возмутилась Кирочка.

— Ты предпочитаешь арабов? — ухмыльнулся Полуянов. — Ну да, они же куда сексуальнее...

Обидеть коллегу Дима не боялся — знал, что Кира подобные разговоры обожает, всегда их поддерживает и даже частенько сама провоцирует. Вот и сейчас девушка мгновенно дикой кошечкой подобралась. Вперила в него наглый взгляд огромных голубых глаз. Облизнула пухлые губы и ему в тон ответила:

— Что ты, Димочка! Разве я могу думать о каких-то арабах, когда ты от меня всего в двух шагах?!

И, продолжая поедать-облизывать коллегу влюбленным взглядом, кинула на его стол следующий рекламный текст.

— А может, поедем вместе? Вот смотри: «Турция. Необычный тур, только для влюбленных. Яркая ночная жизнь, незабываемые приключения...»

— В Турции?! Знаю я их приключения: от тараканов по номеру бегать, — буркнул он.

А Кира с придыханием читала:

— «Массаж для двоих, эротическое шоу, релакс в турецкой бане, обволакивающая южная ночь...»

— Какой идиот им такие тексты пишет!

— А по-моему, шикарно. Ты только представь: ночь тебя *обволакивает*. И я... тоже.

Дима знал Кирку уже пару лет и давно решил: чтоб она его *обволакивала*, в смысле — конкретно, это увольте. Себе дороже — потом не отцепишь. И потому он четко разграничивал: мимолетный секс после бурной редакционной вечеринки охотно позволял, а вместе ехать в туристическую поездку никогда бы не согласился.

И сейчас на очередную провокацию не поддался. На похотливый Киркин взгляд не ответил, со страстными объятиями на нее не набросился. Просто терпеливо переждал, пока той надоест дурачиться.

Кира, так и не втянув коллегу в игру, отшвырнула текст и уже без всякого придыхания произнесла:

— Да прав ты, конечно. Полный бред. Кому сказать: весь мир на халяву дают — а я в какую-то сраную Турцию поеду. Вот я лучше куда. На Багамы. Тоже пять звезд! — Она триумфально потрясла следующей бумажкой. — Ничего себе, расщедрилась турфирма! Туда один билет, между прочим, две штуки баксов стоит!

— Езжай, — кивнул Дима. — На Багамах, говорят, дайвинг мощный.

— А мужики, интересно, там мощные? — Кирочка лукаво взглянула ему в глаза. И, упорная, возобновила атаку: — Может, *сюда* вместе поедем? Ты не подумай чего, просто моим личным переводчиком будешь. А то, сам знаешь, у меня с английским проблема. Как и со всеми прочими иностранными языками.

— Не бойсь, не пропадешь. Багамы давно новые русские облюбовали. Там теперь в любом отеле обязательно нашенский администратор есть, — утешил Дима. — Он тебе переведет.

— Опять отмазался, — прищурилась Кирочка. — Брезгуешь, получается, коллегой. Хотя нет, — ее лицо просветлело, — я поняла... Ты, наверно, со своей толстухой в отпуск ехать собрался?!

— Кира... — посуровел Полюянов.

Но та не сдавалась:

— Все ясно. Решил, значит, за казенный счет свою Надю куда-нибудь на Мальдивы вывезти?! А что, ты у нас звезда-а-а, тебе все позволено. Даже девиц посторонних на халяву по курортам таскать.

И ведь угадала, проницательная! Действительно была мысль: подхватить верную Надюху, которая прежде и в жалкой Турции не бывала, и отбуксировать ее в роскошное местечко. И чтоб все, как она хочет: утром валяться на пляже, а пока жара — в прохладном номере с книжками, а вечерами — бродить, взявшись за ручки, по острову, и он ей даже пару милых ее сердцу стихов прочтет, из тех, что еще со школы в памяти остались. И никакого, так и быть, дайвинга с кайтингом. За казенный счет, правда, не получится — Кирка здесь не права. Он в «Молвестях», конечно, звезда, но не до такой же степени. За подругу придется из своего кармана платить. Но на бедную Надюху и двух штук личных баксов не жаль. Была бы ей достойная награда за все

борщи, и за безответность, и за то, что танец живота специально для него разучила...

...Впрочем, Кирке быстро надоело корчить из себя обиженную любовницу. Она насмешливо изрекла:

— Ну и хрен с тобой, Полуянов. Живи как знаешь. Чую, скоро в семейных трусах ходить начнешь. И двойню родишь. А я пока что покачу на Багамы.

Подхватила буклет с багамскими картинками и царственно выплыла из Диминого кабинета. А тот машинально проводил взглядом ее обтянутую узкой юбочкой попку и взялся досматривать рекламу. Найти предложение по Мальдивам, какой-нибудь тихий, без особых дискотек островок. Забронировать бунгало на двоих — и баста. Вот Надюха обрадуется!

А тут ему на глаза и попалось: *«Только для настоящих мужчин! Неделя приключений в Кении! Сплошной адреналин! Сафари! Восхождения! Гонки на джипах по пустыне! Прыжки с парашютом.»*

И уже придуманный рай со спокойным отдыхом на Мальдивах сразу показался тошнотворным и пресным, как советский санаторий... Да он же в таком отпуске, вместо того чтобы сил на грядущий год набраться, с тоски помрет! Эх, если б Надька согласилась поехать с ним в Кению! Пусть без всякого адреналина, он же не заставляет ее прыгать с парашютом или охотиться на слонов. Просто компанию ему составить.

Но, Дима знал, об этом подруге даже заикаться не стоит. В Кении ведь явно придется в палатках жить. Топать по пустыне в тяжелых говноступах. А уж о юбках — Надькина любимая форма одежды — и подумать смешно. Сто процентов: не поедет. Да еще и обидится. И снова начнет зудеть, что пора взрослеть и остепеняться...

Права, конечно. Но до чего же сложно с этими бабами...

Дима

Хотя и посмеивается он над Надькой с ее вечными борщами, а возвращаться домой, когда там тебя ждет горячий ужин, всегда приятно. Да и всякие женские *штучки* вроде салфеточек и апельсинового сока со льдом в хрустальном бокале тоже душу грели — хотя вслух Полуянов над ними посмеивался.

Что там Надежда на сегодняшний вечер анонсировала? Кажется, некое яство под пряными травами. Хорошо бы, конечно, мясо, но можно и рыбкой удовлетвориться.

Дима наконец выбрался из неизбежной пробки, одолевшей Ярославское шоссе. Повернул в сторону Медведкова, Надькиной обители. Тоже полно машин, но здесь хотя бы они плетутся, а не стоят, как на злощастной Ярославке, в мертвом потоке.

«Расчетное время прибытия — плюс десять минут», — оценил Полуянов. И потянулся за мобильником уведомить Надьку, что он на подходе, пусть свою рыбу, или что там у нее, на стол подает.

Однако ни домашний, ни мобильный у подруги не ответил. Диму сей факт не рассердил и не удивил. Обычное дело — в преддверии его прихода Митрофанова лихорадочно мечется по кухне, дорезая салатик или украшая готовое блюдо всякими глупостями вроде ягодок клюквы или веточек петрушки, ей в такой момент не до телефона.

Он выбрался на совсем уж свободную Широкую улицу и поддал неукротимой «Мазде» газку. Машина весело взревела всеми своими ста шестью лошадьми, а Димино лицо расплылось в улыбке.

В каком-то психологическом журнале он недавно вычитал, насколько важно жить не прошлым, не будущим, не угрызениями, не предвкушениями — но текущим моментом. Наслаждаться каждой длящейся имен-

но сейчас секундой. Способ ему понравился, и теперь он постоянно искал поводы для восторга. А иногда их и искать не надо было, сами находились, как, например, нынче: лето, мощь мотора, вечерняя прохлада, вырвался из пробки, впереди отпуск, а дома — милая Надюха с ее старательными ужинами.

Дима размяк до такой степени, что даже у цветочной палатки тормознул. Выбрал для подруги аж пятнадцать ослепительно белых тюльпанов. Представил, как та поставит их посреди обеденного стола в хрустальную вазу и, пока он ест, весь вечер будет поглядывать на букет и счастливо улыбаться...

Полуянов лихо, безбашенным подростком влетел в Надькин двор. Его «ракушку», к счастью, не заставили — «Мазду» он припарковал без проблем. Вбежал в подъезд, улыбнулся злему консьержу. И еще от лифта начал тягивать ноздрями воздух. Пытался угадать, что за ароматы витают вокруг. Рыба или все-таки мясо?

Однако, как ни внюхивался, пахло лишь пылью да сигаретными «бычками».

«Обоняние ни к черту, неужели придется курить бросать?» — слегка расстроился Дима. Своим ключом отомкнул дверь в Надюшину квартиру. И с удивлением понял, что ничего вкусенького не предвидится. Да еще и свет погашен, а обычно Надя все кругом иллюминацией расцвечивает. Что за ерунда? Сбежала, что ли, куда-то? Но он звонил ведь ей в обед и сказал, что придет как обычно, то есть около половины десятого. Сейчас, допустим, дело к одиннадцати, но Надька вроде не из таковских, чтоб минутными опозданиями его укорять, к тому же сама не без глаз, видит, какие в Москве безумные пробки.

Сердце слегка екнуло. А если чего случилось? К тому же и телефоны у подруги не отвечали...

Дима швырнул тюльпаны на тумбочку в коридоре и вполголоса позвал:

— Надька! Ты дома?

С удивлением услышал, что голос — его собственный, всегда бесстрастный, чем он гордился, — предательски дрогнул.

Тишина.

— Надька! — заорал Полуянов в полную силу.

И услышал со стороны темной кухни ее жалобный всхлип:

— Ди-и-ма! Я тут!..

Он пулей метнулся туда. Уже стемнело, Надькин силуэт на фоне закрытых занавесок вырисовывался неярким пятном.

Дима первым делом врубил свет и с облегчением увидел, что Надька, по крайней мере, не ранена и не больна. Просто очень грустная, и глаза, кажется, заплаканы. Ну, девчонки, как известно, плачут по поводу и без.

На сердце сразу отлегло.

— Че это с тобой? — буркнул Полуянов.

Действительно странно: сидит на стуле у окна да еще и ноги в украденной у него манере на подоконник закинула. Больше того: в руках бокал (бесцветная жидкость, пузырьки газа плюс лимон — явно джин с тоником). А плита — холодная, стол не накрыт, и никаких аппетитных запахов в кухне не витает. Непонятный демарш...

Надька жалобно взглянула на него. Махнула рукой на соседний стул, пригласила:

— Садись.

Виновато пробормотала:

— А ужина нет.

— Ладно, обойдусь, — пожал Дима плечами. И повторил: — Что-то случилось?

— Да, — прошептала она.

Шмыгнула носом и снова прошептала:

— Я, наверно, этого не переживу...

Глава 2

ПЯТЬЮ ЧАСАМИ РАНЕЕ

Надя

Дима никак не тянул на примерного клерка, и потому Надя была далека от того, чтобы ждать его в обычные для офисных служащих семь часов вечера. Но все равно, едва вернулась из своей библиотеки (сегодня она работала в первую смену и потому освободилась уже в четыре), немедленно кинулась в кухню. На сегодняшний ужин Надя планировала рыбу под маринадом из помидорчиков черри и, пока ехала домой, вспоминала, все ли продукты есть в наличии. Филе в морозилке точно имелось, и масло тоже (а жарить рыбу лучше на смеси подсолнечного и сливочного), и все необходимые приправы. Единственное сомнение — остались ли в холодильнике пресловутые черри? Вчера — точно были, полная пластиковая упаковка. Но вчера же после полуночи, когда Надя засыпала, по спортивному каналу сражались очередные футбольные гладиаторы, асы кожаного мяча. И Дима, она сквозь сон слышала, принимал в матче самое деятельное участие: скрипел креслом, звенел пивными бутылками, хрустел чипсами. Вполне мог и бедными помидорчиками закусить. Сама когда-то любимого научила, как вкусно под пиво смешать черри, тертый пармезан и чеснок. А чесноком от любимого ночью точно попыхивало...

Едва вошла в квартиру, тут же ринулась в кухню — проверять холодильник на наличие помидоров. Нашла. Обрадовалась. И над собой же усмехнулась. Какие-то *мелковатые* у нее стали радости. То ли дело

раньше, десять лет назад... Может, Полуянов и прав, когда называет ее последней клушей.

Надя быстро переделась. На собственный перекус тратить время не стала — немедленно приступила к готовке. Но едва извлекла из холодильника рыбу, как в дверь позвонили. Она метнула взгляд на часы — всего-то без двадцати шесть, совсем не Димино время. Но сердце все равно екнуло. Неужели ее расчеты не оправдались? *Мужчина*, любимый, голодный, после работы пришел, а у нее ужин до сих пор не спроворен! Бабский, позорный, домостроевский менталитет. Можно подумать, Дима когда-нибудь ее упрекал, что в доме поесть нечего. А если изредка подобное и случалось — ведь даже у скромных библиотекарей на работе бывают авралы, — Полуянов покорно перебивался бутербродами или, что еще приятнее, в ресторан вечером ее вел.

Но все равно, пока она спешила в прихожую, на ходу придумала: если вдруг неожиданно-негаданно это Дима, она его сухомыткой пытаться не станет. Можно будет минут за пять пышный омлет пожарить — с болгарским перцем и теми же помидорами черри. Или еще проще: горячие бутерброды с сыром.

Однако забивала Надя голову зря: конечно, то был не Полуянов. Пришельцы, что топтались на пороге, оказались совсем иного рода, у нее аж сердце екнуло — двое мужиков. И оба — в милицейской форме.

— Ой... — еле слышно охнула Надя.

Хотя она не нарушала в последние годы никаких законов, а все равно неприятно. Да и мысли опять на пресловутого Димку переметнулись: вдруг с ним, шибутным, что-то страшное случилось? Он ведь постоянно рискует — по делу или чаще без дела. А кого первым извещают о катастрофе? Конечно, жену — пусть и не официальную, а гражданскую.

Хотела распахнуть дверь сразу, но здравомыслие взяло верх. Спросила, не отпирая:

— Вам кого?

— Надежда Митрофанова? — раздался приглушенный дверью мужской голос.

Мысли и вовсе понеслись вскачь. Раз по имени называет — значит, точно что-то ужасное. Но Дима ведь ей звонил! Всего два часа назад! Уверял, что мирно сидит в редакции и пускает слюнки в ожидании ужина!

...А мужчина за закрытой дверью тем временем сумнул под «глазок» свое удостоверение:

— Я Андрей Салов, ваш участковый. Мы с вами знакомы...

Наде тут же полегчало — вспомнила. Действительно, они однажды общались. Сейчас ведь у ментов новая мода: начальство обвешивает город дурацкими плакатами «Участковый — от слова «участие», а рядовой состав иногда обходит квартиры. Знакомятся с жильцами, и если застают в жилом секторе гостей с Востока, тут же и денежку с незаконно проживающих взимают — себе в карман. Вот и участковый Салов как-то к ней на огонек заглянул, вечером, когда Надя с Димой на диване перед телевизором валялись. Проверил паспорта, согласился на кофе, охотно смел четыре домашних пирожка с капустой, выспросил, где они оба работают, а когда Полуянов попытался его на очерк о буднях участковых развести, важно сказал, что подумает и в течение пяти рабочих дней сообщит. С тех пор уже, наверно, год прошел, и, хотя Салов грозился навещать их минимум раз в три месяца и выслушивать, как он выразился, «жалобы и пожелания», больше они не общались. А сейчас он вдруг явился. Да еще и в компании с каким-то вторым ментом. Ну, если опять обход жильцов, поить кофеом она их не станет. И времени нет, и без Диминой защиты боязно. Мало ли что менты в форме — на вид все равно здоровенные бугаи, неизвестно, что им в голову взбредет.

Надя распахнула дверь и, не приглашая гостей в квартиру, строго спросила:

— Что вам угодно?

— Сделай, Наденька, лицо попроще! — попросил Салов.

Митрофанова вспыхнула. Во-первых, она не терпела, когда ее, как Ленин Крупскую, «Наденькой» величали. А во-вторых, разве они с участковым настолько накоротке?..

Только не зря Полуянов ее — в шутку, конечно, — «тормозочком» называет. Пока она подбирала слова для отповеди, момент был упущен. Салов деловито спросил:

— Паспорт при тебе?

Ей снова захотелось возмутиться — с какой, интересно, стати он тыкает? И опять не успела, потому что второй милицейский, рангом явно повыше Салова — похож на следователя, как их в сериалах показывают, — быстро сгладил неловкость:

— Вы, гражданочка, не волнуйтесь. Никаких лично к вам претензий. Мы просто обыск должны провести в квартирке напротив...

— Короче, понятой пойдешь, — вновь влез Салов со своим разбитным тоном.

— Но... — пискнула Надя.

Ей совсем не хотелось присутствовать при обыске. Тем более у соседей. И тем паче — в компании развязного Салова. Но только... в квартире напротив живет Ленка. Ее бывшая одноклассница.

...С Ленкой они не то что закадычные подружки. И в школе на жизнь по-разному смотрели, а уж сейчас то особенно. Но когда десять лет кряду учишься в одном классе, живешь через стенку и почти каждый день вместе едешь на уроки в лифте, это ведь что-нибудь значит?

— Что случилось? — выдохнула Надя.

— Да хорошего мало, — хмыкнул Салов.

А второй милицейский, тот, что следователь, спокойно объяснил:

— Беда с вашей соседкой. С Еленой Коренковой.

Надя машинально закрыла ладошкой рот. Теперь, когда имя прозвучало, ей стало совсем уж страшно. Ленка. Коренкова. Ей ведь — как и самой Надежде — всего-то двадцать семь лет! Или нет, двадцать восемь. Митрофанова вдруг вспомнила, как одноклассница жаловалась, что у нее день рождения неудачно выпадает. Раньше, чем у остальных в классе, — на летних каникулах. Что за уши не треплют, конечно, неплохо, а вот что «поздравляем» всей толпой не кричат и подарков не дарят — очень обидно...

— Не может быть, — прошептала Митрофанова. И еще тише спросила: — Она умерла?..

Следователь коротко кивнул. Надя перехватила его взгляд.

Тяжелый у него глаз. Потухший. Видно, как человек устал от того, что люди погибают. А еще пуше — от бесконечного общения с понятыми, родственниками, зеваками. И от постоянных объяснений, что убивают и молодых, и женщин, и совсем рядом...

— Давай, Митрофанова, пошли. Выполни свой гражданский долг, — строго, совсем не к месту приказал Салов.

Второй смягчил ситуацию. Вежливо проговорил:

— Ну что, девушка? Поможете нам? — И добавил: — Вы не волнуйтесь. Ничего там особенно страшного...

— Да я не волнуюсь, — засуетилась Митрофанова. — Сейчас. Конечно. Пойдемте.

Бестолково открыла сумочку. Вспомнила, что паспорт с тех пор, как на городских улицах перестали цепляться с пропиской, с собой не носит. Побежала в гос-

тиную, где сервант с документами, но ящик переко-
сился, открываться не хотел...

Надя дергала его и вспоминала, как совсем недав-
но, дня, наверно, четыре назад, в Ленкиной квартире
закатили очередную пьянку. Народу набилось много —
местные алкаши это местечко обожали, как со знанием
дела объяснил Полуянов, за то, что не подвал и не ком-
муналка. До трех ночи и вопили, и посудой об пол гро-
хали, и матерились, и визжали в открытые окна. Димка
уж на что демократ, и то хотел милицию вызвать, Надя
его еле отговорила. Самой, конечно, от таких дебошей
было тошно, но все-таки одноклассница... Вместе ко-
гда-то краситься учились — по модному журналу — ма-
миными тенями. И всегда друг на дружку полагались,
если нужно из дому сбежать или что-то криминальное
спрятать. В киношку на вечерний сеанс с Мишкой из
параллельного? А маме говоришь, что с Коренковой.
Из кармана куртки сигареты выпали? Да это Ленка по-
просила спрятать...

Потом, после школы, их пути окончательно разо-
шлись, но все равно они всегда здоровались. И за со-
лью или там хлебом друг к другу бегали — до тех пор,
пока Ленка окончательно не пустила свое домашнее
хозяйство на самотек.

А теперь ее убили. Хотя нет, почему она, Надя, так
решила?! Мент просто сказал, что *беда* и Лена умерла.
Допилась? Не выдержало сердце?

Надя наконец извлекла свой паспорт. Протянула
душке-следователю, тот мельком взглянул на странич-
ку с фотографией и передал документ противному Са-
лову. Наде любезно предложил:

— Пойдемте.

Они в молчании пересекли лестничную площадку.

В Ленкиной — теперь уже бывшей — квартире ца-
рила света. Спотыкаясь о сваленный в коридоре хлам,
шныряли озабоченные люди в милицейской форме.

На кухне за хромоногим столом Надя углядела пожилого мужчину в синей форме с логотипом «Скорой помощи». Он сосредоточенно заполнял какие-то бланки, а рядом стоял второй, помоложе, с медицинским чемоданчиком.

Надя — у Ленки она не бывала уже минимум года три — поразилась, до какой степени та запустила когда-то очень аккуратную, дорого отремонтированную квартиру. Об обои, кажется, каждый гость считал своим долгом руки вытереть. Пол весь прожжен ожурками. У Ленкиной школьной еще фотографии, которая зачем-то висит в коридоре, разбито стекло... Как же получилось, что ее молодая — и талантливая! — жизнь пошла наперекосяк?..

— Сюда. В спальню, — прервал Надины размышления оперативник.

Она послушалась. И увидела.

Сначала — огромный, по всей площади комнаты матрас. Мутное зеркало, жалкая пародия на плохой эротический фильм, под потолком. И Ленку, лежащую на спине. С серым лицом, вокруг губ пена, глаза закатились, и, кажется, даже трупные пятна уже проступили... Ужасно. Но все равно видно, до какой степени она юная. Утонченная. И беззащитная.

— Она? Коренкова? — коротко спросил мент.

— Да, — всхлипнула Надя.

— Тогда все. Можете забирать, — крикнул он кому-то в недра квартиры. Деловито велел Митрофановой: — Ты пока в другой комнате обожди. Сейчас труп увезут, и мы к обыску приступим.

— А что... что с ней случилось?.. — Надя никак не могла отвести глаз от обнаженного и прекрасного даже в смертельном удушье молодого тела. Ей до сих пор не верилось, что Ленкина смерть — это навсегда. Глупости в голове вертелись. Будто им по восемь лет, они за

что-то обиделись на своих строгих мам и решили им в наказание умереть — конечно, понарошку...

Но оперативник окончательно развеял ее иллюзии.

— Убили, похоже, твою подружку, — поморщился он. — Задушили. — И с непонятным садизмом, а может, просто с профессиональным равнодушием уточнил: — Веревкой.

Милицейский испытующе взглянул на Митрофанову. Явно чего-то от нее ждал. Может быть, слез и выкриков: «Как же так?!» Или испуганного: «Я не убивала!» Или всего лишь оправданий, что Ленка ей совсем не подружка, а просто соседка и бывшая одноклассница?

Но, похоже, Надежда его ожидания обманула. Потому что не стала ни рыдать, ни оправдываться. А просто стояла и будто замороженная смотрела на то, что осталось от Ленки. И опять вспоминала, вспоминала. Вдруг всплыло, как они на физкультуре подглядывали за мальчишками в шелку пацанской раздевалки. Или как в восьмом классе однажды вместе в консерваторию отправились. А в антракте с Ленкой вполне по-свойски поздоровался сам Женя Кисин. И свою кассету с автографом подарил. А Ленка, едва музыкант отошел, ее об стенку разгрохала — на глазах изумленной публики. И объяснила пораженной Наде, что в «подачках знаменитости не нуждается». Мол, очень скоро свои собственные кассеты будет поклонникам раздавать...

Тогда, конечно, многие считали, что Коренкова — будущая звезда, может, еще и похлеще, чем Кисин. Что будут у нее и собственные диски, и толпы поклонников. Но после той истории с кассетой Наде показалось, что Ленка несколько преувеличивает свой талант.

А сейчас, десять лет спустя, вышло, что она действительно была права. Потому что к своим двадцати восьми одноклассница так и не записала ни единого диска. А теперь уже не запишет их никогда.

И Надя — наверно, именно подобной реакции и ждал от нее оперативник — наконец расплакалась.

Иван Адамович

Он всегда любил ночь. За ее прохладу, таинственную переключку скрипов и шорохов, за прихотливую игру теней, беспечное мерцание звезд. И еще — за *неочевидность*. Это днем все ясно и в лоб: на коне — лишь красивые. Везет только тем, кто с большими бицепсами. И чем ярче, аляповатей цветы, тем дороже они продаются. А ночь наполняет мир загадками. В сумраке, в нечеткой игре лунного света худошавая полойная кошка может оказаться роскошным абиссинцем. А старческая фигура в старом плаще неожиданно обратится в прекрасного рыцаря.

Жаль лишь, что сейчас, в июне, ночи приходится ждать слишком долго.

...Ваня Пылеев, уже давно Иван Адамович, любил темноту подростком, лет в четырнадцать. Как-то сразу все навалилось: первое чувство к тоненькой Вике из параллельного класса и первые прыщи, огромные, по всему лицу, их не брали никакие спиртовые примочки и никакой марганец. А еще Вику ужасно смешили его круглые, под Джона Леннона, очки. «Мой милый Чебурашечка», — говорила она. Может, и нежно, но Ваня на такой эпитет жестоко обижался.

— Да не страдай ты. Потерпи. Все вы, подростки, в четырнадцать лет не красавцы, — неловко утешала его мама.

Странная женщина. Сама рожала, сама воспитывала, но так и не поняла, что терпеть — это не по его части. И что у ее сына хотя и внешность ребенка, но характер — уже стальной.

Ваня и решил, что в лепешку расшибется, но тер-

петь не будет. И найдет возможность избавиться от проклятых прыщей и ненавистных очков не когда придет абстрактное *время*, а немедленно.

Сейчас, в двадцать первом веке, никаких проблем бы с этим (кроме денег) не возникло: кругом полно и косметических салонов для мужчин, и хороших эндокринологов, и грамотных окулистов.

Но Ванина юность выпала на семидесятые, а возможностей тогда было куда меньше. Ему со своими прыщами пришлось отправиться в чуть ли не единственное существующее в те времена место, где пеклись об эстетике человеческого лица и тела, — Институт красоты на Калининском проспекте.

Конечно, его оттуда послали. С резюме, аналогичным мамашиному: идет обычная для подростка гормональная перестройка, нужно просто потерпеть, и все пройдет само.

Погнали Ваню и из известной глазной клиники, где он умолял врачей «вырезать проклятую близорукость». Сказали, что избавиться от его минус четырех никаких проблем не составит. Но только не в четырнадцать лет, когда организм еще не закончил расти, а минимум в восемнадцать. И как объяснишь дуракам-врачам, что красавица Вика однозначно не дождется его совершеннолетия?..

Но Ваня не сдался все равно. Всеми правдами и неправдами раздобыл «взрослый» читательский в Ленинскую библиотеку. Часами просиживал в газетном зале. Заказывал все новые и новые издания, в основном западные, — хорошо, у него с английским проблем не было. И вычитал-таки, что с прыщами можно бороться жидким азотом. А вместо очков носить диковину под названием «контактные линзы».

А потом, упорный, нашел косметолога, которая первой в Москве начала использовать жидкий азот. Вот стыдоба-то была ходить к ней в обычную па-